

ПОСЛЕСЛОВИЕ

документ Советской Цивилизации: рабочие дневники геолога-четвертичника Эммы Ивановны Лосевой за 1961—1980 гг.

Эмма Ивановна Лосева работает в Институте геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН (который до 1991 г. был Коми филиалом АН СССР) с осени 1957 г. и по сегодняшний день (апрель 2013 г.) — 55 лет!

Ее «рабочие дневники» охватывают период с 1961 по 1980 гг. — это был как раз тот период, когда Коми филиал АН активно рос, расширялся и достигал своего полного расцвета в условиях Зрелого Социализма. Начиная с первых лет так называемой перестройки (примерно с 1985 г.) наука в СССР (соответственно, и в Коми филиале) стала клониться к упадку; и хотя Коми НЦ в нынешнюю эпоху Олигархического Капитализма еще существует и даже выглядит вполне благообразно — все понимают, что прежняя советская наука практически сошла на нет.

Когда в 1991 г. рухнул СССР, то очень скоро умные люди в России осознали, что это были не просто «70 лет при большевиках» — в небытие погрузилась целая Атлантида — Советская Цивилизация. Ибо годы Советской власти и господства коммунистической идеологии в умах людей были не просто неким «тоталитарным режимом»; в глубинном социокультурном отношении они были целостной Советской Цивилизацией — цивилизацией нашей советской империи.

С самого своего зарождения Советское государство придавало огромное значение **науке** — хотя бы по той причине, что официальной идеологией СССР стал так называемый *научный коммунизм* — марксизм-ленинизм. Но еще важнее для партии большевиков было решающее значение науки для подготовки страны к войне, что, впрочем, с некоторых пор стало называться «укреплением обороноспособности», хотя в военных доктринах СССР (как блистательно показал в своих книгах Виктор Суворов) никакой обороны никогда не предусматривалось — только наступление.

Поэтому с первых дней СССР стали создаваться десятки новых научных институтов, которых не было в царской России. Оставшееся от прежних времен наследие — Императорская Академия наук — была быстро прибрана большевиками к рукам и поставлена на службу нуждам бурно растущей индустрии, в особенности — военной промышленности.

В этой системе важными научными ячейками стали создаваемые в провинции **филиалы Академии наук СССР** — региональные научные центры, состоящие из нескольких институтов разного профиля. Зада-

чи таких филиалов были двойками: с одной стороны, они должны были давать практические научные разработки для своего региона, а с другой — не забывать о развитии и фундаментальной науки.

Одним из таких филиалов был **Коми филиал АН СССР**, а в его составе — созданный выдающимся геологом профессором А. А. Черновым — Отдел геологии, преобразованный в 1958 г. в Институт геологии.

Для читателя — не геолога — необходимо сказать несколько слов о *четвертичной геологии*, которой Э. И. Лосева посвятила всю свою жизнь. Четвертичным в 1888 г. назвали самый последний геологический период в истории Земли (который продолжается и сегодня); по современным представлениям, он начался (после Третичного) где-то около 2.6 млн. лет назад — когда на Земле уже появились наши предки из семейства гоминид, представители рода приматов *Номо*. Поэтому многие ученые называют четвертичный период в честь человека — Антропоновым.

Несмотря на то, что по стандартам геологов четвертичные отложения крайне молоды, изучать четвертичную геологию во многом даже труднее, чем геологию более древних толщ. К ней не применимо большинство изотопных методов определения возраста; в этих рыхлых отложениях обычно слишком мало местных (не переотложенных из более древних толщ) палеонтологических остатков; а что всего неприятнее — именно в четвертичном периоде произошли мощные покровные оледенения, когда ледники покрывали весь север Евразии, достигая, например, широты Киева. Двигавшиеся на юг (при похолодании) или отступавшие на север (при потеплении) ледники сбрасывали огромные массы «немого» (без палеонтологических остатков) осадочного материала (валунов, песков, супесей, суглинков) — создавая чрезвычайно пеструю, хаотическую картину отложений, что крайне затрудняет построение основы всякой геологии — *стратиграфии*, т. е. выделения *возрастной последовательности слоев*.

Но если бы существовали одни лишь континентальные ледники! На самом деле палеогеографическая картина могла быть гораздо более сложной. Например, ледник (как в современной Антарктиде) мог сползать в море на шельф — и тогда в местных морских осадках на территории современной Большеземельской тундры могли вдруг появиться валуны или песок, притащенные сюда ледником с Новой Земли — на расстояние до 1000 км! И одни геологи («маринисты»), находя в отложениях раковины морских двустворок, заявляли: «*Это морские отложения!*», а их оппоненты («гляциалисты»), подчеркивали явные признаки ледника и возражали: «*Нет, это ледниковые суглинки!*». Подобным спорам не было конца и края, они продолжаются и поныне....

Чего только не перепробовали геологи-четвертичники для целей своей несчастной, остро-дискуссионной стратиграфии! Здесь и геоморфология (сравнение форм рельефа, например, высоты речных террас); и литология (термическое и гранулометрическое изучение вещественного состава всех этих однообразных суглинков и супесей, удручающе похожих друг на друга в далеко отстоящих обнажениях и скважинах); и петрография (микроскопическое изучение кристаллических горных пород в валунах); и спорово-пыльцевой анализ; и даже геохимия — например, спектральное или химическое определение содержания в породах бора (в морских отложениях его должно быть больше, чем в континентальных), или так называемых поглощенных оснований (в морских отложениях должно быть больше Na и Mg, а в континентальных — Ca); и радиоуглеродный метод: если геологу повезет, и в отложениях попадутся древесные остатки или торф, — то можно определить их возраст по содержанию радиоактивного изотопа углерода — ^{14}C ; и палеомагнитный метод..., и этот список еще далеко не полон. Например, коллега и шеф Лосевой — Борис Исаакович Гуслицер — внедрил в практику четвертичной геологии два метода: (а) археологический — по некоторым костям и артефактам, находимых в пещерах и на стоянках древних людей и (б) териологический — по зубам копытных леммингов, обитавших в наших северных тундрах.

Эмма Ивановна, с ее неумной любознательностью и феноменальным трудолюбием — испробовала в своей работе едва ли не все эти методы; но главным ее занятием, в котором она достигла мировых высот (и мировой известности) было микроскопическое изучение «прекрасных невидимок» (как она назвала их в своей чудесной научно-популярной книжке) — ажурных кремневых створок диатомовых водорослей. Эти крохотные одноклеточные существа-фотосинтетики обитали как в соленых, так и в пресных водах, а форма их сказочно-красивых раковинок чутко отзывалась на условия среды. Для геолога-четвертичника это означает, что от диатомей есть и «практическая польза» — их можно попытаться использовать для этой — трижды проклятой — четвертичной стратиграфии!

Пожалуй, этих кратких геологических сведений уже достаточно для того, чтобы неспециалист смог с пониманием прочитать записи в Рабочих дневниках Э. И. Лосевой.

Вернемся теперь к тому, с чего мы начали: что же рассказывают нам эти Рабочие дневники (в которых мы не найдем никаких посторонних предметов — Наука, одна лишь Наука, и ничего кроме Науки!) — о Советской Цивилизации? А более конкретно — о бытии рядового советского ученого (каким Э. И. Лосева тогда была — в чине младшего научного сотрудника) в Коми филиале Академии наук СССР?

И особенно интересным представляется мне сравнение реалий Советской Цивилизации — с реалиями нынешнего Олигархического Капитализма.

Поскольку научная работа протекает не в вакууме, а в определенной общественной среде, и поскольку для нее далеко не безразличны личностные особенности работника, то для удобства читателя мы разобьем свои впечатления от Рабочих дневников Э. И. Лосевой на несколько условно-тематических рубрик.

Черты личности автора «Дневников»

Эмма Ивановна писала свои Дневники для себя; но при этом — хотела она того или нет — независимо от ее намерений, в них ярко отразились некоторые черты ее личности.

1. Духовное развитие и увлечения. Поскольку это занимало немалую часть ее *рабочего времени*, то мы узнаем из «Дневников» о том, что Эмма Ивановна, кроме четвертичной геологии и диатомового анализа, занималась: (а) стрельбой, (б) лыжами, (в) шахматами, (г) пеньем в хоре, (д) английским языком, (е) французским языком, (ж) музыкой, (з) интарсией (составлением картин из шпона).

Но даже этим впечатляющим списком лосевские увлечения отнюдь не исчерпываются. Она имела (и) первый разряд по волейболу, (к) второй разряд по спортивной гимнастике, (л) третий разряд по настольному теннису, (м) занималась «художественным паданием» на коньках, и, всерьез увлекшись пейзажной живописью, намалевала множество картин, решив проблему соотношения Искусства с Действительностью радикально — выйдя замуж за художника, главу сыктывкарского самодеятельного объединения «Серпас». Наконец, на моей памяти (а я в этом Институте — с 1967 г.) она еще и посещала (н) курсы по математической статистике, а последние лет 10 она является лидером (как и во всем) городского объединения «Зожевцев» — от «ЗОЖ» — Здоровый Образ Жизни...

Разумеется, и при Олигархическом Капитализме у людей существуют свои «хобби», однако — ни о каких там первенствах филиала (или института) по шахматам, стрельбе или лыжам, или (тем более!) о проводившихся с большим размахом Спартакиадах северных филиалов — сейчас нельзя и помыслить. Другая эпоха!

2. Беспощадная самокритичность. Читатель с изумлением узнает, что доктор наук, диатомистка с мировым именем, — оказывается, всю жизнь испытывала сильнейший комплекс неполноценности; называла себя «полной дурой», совершенно не способной к науке (*и принесшей бы обществу больше пользы при выращивании силосных культур!*); и от

таких мыслей постоянно мучилась и переживала, — но при всем том продолжала бешено и страстно работать, никогда не опуская руки.

3. Коммуникабельность и мобильность. Эти качества Лосевой просто поразительны! Кажется, она не пропустила ни единого совещания или семинара, ухитряясь бывать везде — от Владивостока до Таллина, а в конце 1970-х — «пробившись» и за рубеж, хотя тогда на это могли решиться только люди, сильные духом, — столько бюрократических препон воздвигал на их пути фактически «академический филиал» советской тайной полиции — ОВС (Отдел внешних сношений) АН СССР. Достаточно сказать, что за пять лет в 1970-х гг. она побывала в 17 (!) командировках на 15 научных сборищах (включая три полевых семинара), где сделала 13 докладов. Эта замечательная активность (помимо, конечно, редкостной лосевской любознательности) имела две объективных причины.

Во-первых, в те годы еще очень отчетливо ощущалась **провинциальность науки в филиалах АН**: для того, чтобы быть «на уровне», необходимо было постоянно консультироваться с более квалифицированными коллегами из центральных институтов.

Во-вторых, сама специфика специальности — четвертичная геология и диатомовый анализ — требовала непрерывного подпитывания специалиста новой информацией, которая рождалась главным образом на многочисленных совещаниях, конференциях и симпозиумах.

Что же изменилось с тех пор?

— С одной стороны, провинциальность сыктывкарской науки канула в Лету: ныне в наших институтах зачастую выполняются работы гораздо более значимые и фундаментальные (чего стоит хотя бы минералогическая школа, созданная Н. П. Юшкиным), чем во многих центральных институтах мегаполисов, давно лишенных притока свежих кадров и постепенно вымирающих.

С другой стороны, приходится напомнить, что материальным условием лосевской мобильности была возможность свободного посещения любого уголка нашей страны — СССР; ведь она побывала во всех союзных республиках от Средней Азии и Закавказья до Баренцева моря и от Молдавии и Прибалтики до Сахалина и Камчатки — при смехотворно низкой цене авиабилетов, вполне доступных даже при зарплате м.н.с. Например, авиабилет Ухта-Сыктывкар стоил 13 руб., что давало возможность преподававшему в Ухте проф. Б. А. Малькову регулярно являться к оставшейся в Сыктывкаре семье — на викэнды.

— А с третьей стороны, замечу, что хотя с падением железного занавеса в 1990-х перед всеми желающими открылась возможность зарубежных поездок, мне отнюдь не кажется, что это обстоятельство способно гальванизировать российскую науку. Как правило, на международных

форумах докладывают не новые, а уже опубликованные работы. И что самое главное — **Интернет сделал во многом ненужным непременное очное участие** (нервный доклад на плохом английском в течение немногих отведенных тебе минут или тягостное многочасовое выстаивание у своего сиротского стенда). Например, не будучи (по лености и незнанию разговорного английского) ни на одной ежегодной Гольдшмидтовской Международной геохимической конференции, а безвылазно сидя дома в Сыктывкаре, я за считанные минуты скачивал из Интернета себе в компьютер — все пухлые сборники Абстрактов, успевая их проштудировать едва ли не раньше завершения этих конференций...

Теперь же крах советской геологии не только пресек большинство традиционных геологических сборищ, но и привел к катастрофическому оскудению командировочных средств. Современный научный работник в Коми НЦ УрО РАН может поехать за год **в одну или две** командировки — не больше. Впрочем, может и больше... но только за свой счет! Поэтому лосевская мобильность в 1970-е гг. представляется мне сейчас просто фантастической.

4. Общественная работа и партийные поручения. В разные годы в качестве секретаря комсомольской организации, члена партбюро, председателя профкома и редактора стенной газеты «Поиск» Эмма Ивановна **гробила многие дни и недели своего рабочего времени**. Но делала она это вполне добровольно — как сознательный член КПСС. Также сознательно — но уже далеко не добровольно, а по поручению партийных комитетов, не выполнить которые она не могла даже в мыслях, — она **тратила целые месяцы** на участие в избирательных компаниях (результат которых всегда был известен заранее, ибо советские «выборы» были, как известно, безальтернативными).

Особенности «окружающей среды»

Такой средой была провинциальная советская действительность.

5. Субботники и воскресники. В Рабочих дневниках (особенно за 1960-е гг.) мы много раз найдем упоминания о том, как она тогда-то и тогда-то была на субботнике или воскреснике. Этот коллективный бесплатный труд на благо общества (вспомним знаменитую картину — Ленин, несущий с товарищами бревно на субботнике в Кремле!) был неотъемлемой частью нашей жизни.

А что теперь?

— Теперь об этом не может быть и речи. Даже членов ТСЖ (товарищества собственников жилья) трудно выманить на уборку собственного двора. А на городские субботники выходят в основном... чиновники Администрации.

6. Дежурства и отгулы. Трудно сказать, когда это началось в СССР, — но в ночное время в учреждениях по очереди дежурили (вместо штатных вахтеров) сами сотрудники. За это полагался то ли день, то ли два дня отгула. Очевидно, это делалось для того, чтобы поддерживать в населении постоянное ощущение осажденной крепости — окружения коварными врагами (стремящимися, к примеру, выведать, чем Московская морена отличается от Днепровской...). Как это было в великой поэме Александра Блока: *«Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!»*.

А что сейчас?

— Сейчас попробуй кого-нибудь заставить дежурить... Эпоха неоратимо изменилась.

7. Сельхозработы. Мы постоянно читаем в Дневниках: *«была три дня на картошке в Вильгортте»*, *«была неделю в Вильгортте»* и т. д. После того, как большевики в 1930-х гг. под корень подрубили деревню под флагом «раскулачивания», согнав оставшихся крестьян в экономически неэффективные колхозы и совхозы, — у «сельского труженика» пропала всякая мотивация к труду, зато развилась неукротимая мотивация к беспробудному пьянству. Поэтому убирать урожай в СССР стало некому — и этим по всей стране занимались сгоняемые в деревню горожане. Ну а мы, самые сознательные сотрудники АН СССР, разумеется, всегда были в первых рядах этих «добровольцев».

А что же теперь?

— Слава Труду: теперь такое уже невозможно. Если горожанин и убирает урожай, — то только на своей даче.

8. Голубая мечта советского м.н.с. В том случае, если этот м. н. с. оказался счастливецом и жил в своей квартире (а не мыкался десятки лет в общежитии), он робко мечтал (как Лосева) — занять дома телефон и пишущую машинку... У меня, например (хотя я был с. н. с., а не м. н. с.) имелась германская портативная машинка «Эрика» (подаренная братцем — профессором С. Э. Шнолем), а вот телефона в квартире я так и не смог удостоиться — даже будучи народным депутатом (1990—1995) Верховного Совета Коми!

А сегодня?

— Сегодня даже нищий студент уже немислим без компьютера и мобильного телефона.

Особенности научной работы

К ним относятся характер взаимоотношений с коллегами и масса мелких технических реалий научной работы — как в поле, так и в лаборатории.

9. Полевые работы. Лосева перечисляет (не входя особенно в детали) свои почти ежегодные экспедиции в тайгу и тундру, **которые, как правило, продолжались по три месяца!**

А что ныне?

— Ныне о таких полевых сезонах геолог и не мечтает: в поле выезжают, хорошо, если на месяц, а то и вообще «на экскурсии» — т. е. на две-три недели. Понятно, что при столь краткосрочных поездках объем и качество большинства добываемых полевых материалов — катастрофически упали.

10. Коллективизм. Советское общество было коллективистским, т. е. таким, где Общая Польза ставилась заведомо выше Личной Выгоды. С этим связаны две необыкновенно симпатичных приметы Советской Цивилизации — бескорыстие коллег по работе и самоотверженность рецензентов научных трудов.

Например, мы читаем у Лосевой: «*Чалышев посмотрел 50 шлифов*».

А что это значит?

— Это значит, что Василий Иванович Чалышев (трагически скончавшийся в июле 1975 г., предварительно лишившись обеих ног), занимавшийся пермью и триасом и не имевший никаких профессиональных интересов в четвертичной геологии, — **расходуя десятки часов своего времени**, изучал под микроскопом шлифы кристаллических пород из лосевской коллекции валунов: определял, какими они сложены породами. Это давало ей возможность судить о вероятных источниках сноса такого материала — откуда их притащил ледник.

Или возьмём многочисленные записи о том, как та или другая ленинградская или московская дама (чаще всего незабвенная В. С. Порецкая) — вернула Лосевой рукопись ее статьи с множеством исправлений и замечаний. Ведь на это нужна, кроме безвозмездной траты массы своего времени, прежде всего — добрая воля!

А что в наши дни?

— В наши дни бесплатно никто не станет заниматься — ни такой «пахотой на дядю (тётю!)», ни тем более, жестким нелицеприятным рецензированием (нередко чреватым порчей личных отношений), а либо просто откажет в помощи, либо напишет (из дружеских чувств) халтурный, обтекаемый, обще-положительный отзыв — без серьезного профессионального разбора твоего сочинения.

Эпоха изменилась: *моё* стало безусловно важнее *общего*; а, кроме того, укоренилась нормально-капиталистическая мораль: любой затраченный труд — должен быть оплачен...

11. Машинопись, перепечатка, латынь... Подозреваю, что современный молодой человек, не мыслящий своей жизни без компьютерного дисплея, просто не поймет таких выражений, как «*большая очередь на*

перепечатку» или «она умеет печатать латынь». Такой человек, быть может, никогда и не видал пишущей машинки — ни механической, ни электрической: свои тексты он набирает на клавиатуре компьютера (латиница или кириллица — ему это абсолютно без разницы) — и мгновенно распечатывает на принтере.

Но в те годы перепечатка статьи (а тем более — отчета или монографии) была серьезной проблемой! В учреждениях существовали специальные машинописные бюро, где дни напролет стрекотали пишущие машинки. Хорошие (грамотные и быстро работающие) машинистки были в большом почете и могли очень прилично зарабатывать — кто легально, а кто и неофициально. А если машинистка имела латинский шрифт и была вдобавок сведуща в латинских названиях палеонтологических таксонов (или у нас в геохимии — знала символы химических элементов) — то ей просто цены не было, и ей щедро презентовали торты, шоколадки и прочие невинные взятки...

А в нищих редакциях многих научных журналов (а также в нищих научных издательствах) — статьи или монографии после завершения редакторской правки, перед набором — **возвращали авторам на перепечатку** — за их, авторов, счет... Об этой удивительной практике пишет (разумеется, безо всякого удивления) Лосева во многих местах своих Рабочих дневников.

А что теперь?

— Теперь эпоха кардинально изменилась, и всё это навсегда кануло в Лету. Пишущая машинка может вернуться в обиход человека разве что после глобальной катастрофы — повсеместного отключения электричества и, соответственно, — бесполезности мертвых компьютеров.

12. Защита диссертаций, ожидание очереди... Эта тема — тоже следствие провинциального характера бывшего Коми ФАН СССР: у нас не было своих диссертационных советов, и все мы (люди тех лет) — должны были для защиты своих диссертаций отправляться в мегаполисы (или в Прибалтику) и там занимать очередь в качестве бедных родственников. Лосева с готовой кандидатской смогла выйти на защиту (в Таллине!) только через год, а я, например, с готовой докторской мыкался четыре (!) года: с января 1980 по декабрь 1984.

А что теперь?

— Теперь — всё совсем иначе. По мере роста числа кандидатов и докторов наук, в Коми НИЦ появились свои диссертационные советы; например, усилиями Н. П. Юшкина в нашем Институте были образованы даже два диссовета: минералого-петрографический и стратиграфо-литологический. И нынешнее начальство просит-умоляет аспирантов побыстрее заканчивать свои диссертации и, совершенно не обра-

щая внимания на качество этих сочинений, — энергично выпихивает аспирантов на защиту — в свои домашние, вполне управляемые (с гарантированным результатом!) диссоветы. *Поэтому стали защищаться слабые и даже совершенно провальные диссертации.* Раньше о подобном не могло быть и речи — такие работы просто не допускались к защите.

13. Слежение за литературой: Летописи. Читая лосевские Рабочие дневники, мы постоянно находим записи о ее борьбе с «Летописями» — то «*надо просмотреть Летописи*», то «*два дня сидела с Летописями*», то «*сильно запустила Летописи*» и т. д.

Боюсь, что современный читатель, сидящий перед монитором с Интернетом, — может просто не понять, о чем идет речь... Неужели Лосева, кроме своих диатомей, интересовалась еще и древними рукописями?! Конечно же, нет; всё проще (но и ещё диковинней) — оказывается, она регулярно просматривала ежегодно выпускавшуюся книжной палатой СССР — «*Летопись журнальных статей*» — и там отыскивала нужную ей литературу! Сознаю, что не знаю больше никого из научных работников, кто бы занимался этой в высшей степени нудной работой. Самому мне пришлось обращаться к этим «Летописям» всего два или три за 45 лет — когда никакими силами не удавалось разыскать точное библиографическое описание нужной ссылки. Поэтому могу лишь почтительно снять шляпу перед лосевским трудолюбием...

14. Отчетный идиотизм. Едва ли не центральное место в Рабочих дневниках занимает тема сдачи отчетов. Отчеты в Коми филиале АН СССР бывали самыми разными: квартальными, полугодовыми, годовыми, информационными (о полевых работах), промежуточными (за некоторый период выполнения научной темы), и, наконец, самыми главными — *заключительными*, в преддверии постановки новой темы, обеспечивавшей человеку кусок хлеба на ближайшие пять лет.

Но если в производственных геологических организациях (территориальных геологических управлениях) отчет был единственной формой выдачи результатов работы, и все отчеты (оформленные по строгим правилам), сданные в Геологические фонды, постоянно и многократно штудировались (в том числе и нами), — то *отчеты в Академии наук в действительности были абсолютно никому не нужны!* Их никто и никогда не читал для извлечения научной информации; для бюрократии АН СССР имел значение только факт своевременной сдачи отчета — но отнюдь не содержание отчета. Дело в том, что в науке единственной формой представления результатов работы является НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ (статья или монография) — и только она!

Тем не менее, хотя идиотизм сочинения и сдачи научных отчетов был понятен каждому, — вся жизнь научного работника вертелась

именно вокруг отчета. Непредставление отчета в срок рассматривалась как катастрофа... хотя хроническая задержка лабораторных анализов заранее делала задачу сдачи отчета в срок — практически невыполнимой. Многомесячная нервозность, периодически вспыхивающие скандалы в коллективе исполнителей (когда, например, один «сачкует», а другой за него «пашет»), грозные инвективы Институтского начальства (которому вышестоящее начальство в свою очередь намылит шею за несвоевременную сдачу отчета), отчаяние «писательницы», которой надо за эту неделю — «кровь из носу» — святая своя глава отчета при отсутствии необходимых анализов, — всё это создавало тот лихорадочно-штормовой (и притом совершенно обычный) фон научной работы, который столь ярко запечатлен Лосевой в ее Рабочих дневниках...

Прошло 30—40 лет; что же изменилось?

— Отчетность как таковая в Институте геологии осталась, но она коренным образом трансформировалась. Теперь вообще не имеет значения, есть ли у тебя какие-нибудь результаты. Важно только одно — *правильно заполнить электронную форму*, «спущенную» в Институт вышестоящими (и, как правило, безымянными) чиновниками РАН. Шустрая молодежь, умеющая это делать с легкостью, может спокойно бездельничать, не получая никаких новых результатов; тогда как тугодумы-старички, некогда ваявшие пухлые тома, но «не дружащие с компьютером», этого делать не умеют — и оказываются на плохом счету у начальства. В итоге в современных лабораториях (и соответственно выше — в институтах) некоторые начальники нередко «отчитываются» результатами, в действительности опубликованными предшественниками 25—30 лет назад — выдавая их за новые!

15. Публикации. Об этом важнейшем компоненте научной работы мы узнаем из Рабочих дневников массу интересного. Выясняется, что в ранние 1960-е гг. публикация научной статьи и тем более — монографии — была в Институте геологии целым Событием! Статьи в научных журналах публиковались необыкновенно долго, они могли валяться в портфелях редакций по несколько лет — и нередко даже терялись. Например, я помню, что сборники Трудов созывавшихся раз в 4—5 лет Геологических конференций Коми АССР иногда выходили... только к началу следующей конференции.

Посему несчастные авторы, годами не получая никаких сведений о судьбе своих детищ, постоянно находились в напряженном ожидании: вышла ли наконец моя статья? А уж опубликование авторской научной монографии по своему значению вообще можно было сравнить с небольшим землетрясением!

Перед публикацией рукописи подготовленных статей (и тем более — монографий) проходили обязательную экспертизу сначала в род-

ной Лаборатории, а затем — на институтском Ученом совете. Сочинитель получал многочисленные (и нередко далеко не беспристрастные) замечания своих коллег. Отбиваясь от замечаний, он был вынужден вносить необходимые исправления (если замечания были по делу), или, по крайней мере, — пытаться хоть как-то улучшить изложение там, где замечания коллег оказывались вздорными (по принципу — «читатель всегда прав»). ***В совокупности такая система обеспечивала высокое качество научной продукции.***

Что же изменилось в эпоху Олигархического Капитализма?

— Радикально изменилось практически всё!

Во-первых, развитие компьютерной полиграфии революционизировало сам типографский процесс.

Во-вторых, что еще важнее, — в корне преобразилась и сама технология сочинительства: монтаж статей и монографий на компьютерном дисплее избавил авторов от ножниц и клея, от многотрудного вписывания от руки латинских названий; позволил сказочно быстро и легко составлять громадные, строго упорядоченные библиографические списки; освободил геолога от кабальной зависимости от благоволения чертежника, долгими неделями изготовлявшего ему необходимую графику: ведь теперь автор сам изготавливает себе любые картинки, в том числе цветные (!), — с помощью графических компьютерных программ...

Наконец, стало издаваться гораздо больше научных журналов, иногда они даже конкурируют между собой за статьи, поэтому ***теперь любому научному работнику или аспиранту — опубликовать статью неизмеримо проще и легче, чем прежде.***

То же касается и монографий: ныне они стали выпускаться десятками (лишь были бы у автора деньги). ***Но при всем этом замечательном техническом прогрессе — научные работы практически перестали рецензироваться коллегами в стадии рукописей; в результате качество научной продукции катастрофически упало.***

16. Романтика перфокарт... Мы обнаружим в Дневниках интересные для историка науки упоминания о том, с каким восторгом осваивались геологами картонные двухрядные перфокарты формата К-5, воспринимавшиеся нами в 1960-х гг. как провозвестник Новой Жизни — научной организации труда! Эти перфокарты в длинных деревянных ящичках выпускались в единственном месте СССР — на некоем предприятии «БИН» города Таллина, где их и можно было заказать по почте — за деньги. Имея у себя личный систематический каталог с неким цифровым кодом (а его имеет любой профессиональный научный работник; например, 1 — Днепровское оледенение, 2 — Московское оледенение, 11 — Большеземельская тундра, 12 — Тиман, 21 — бор, 22 —

марганец и т. п.), можно было с помощью специальных щипчиков *закодировать* какую-то информацию (текст-реферат или табличку анализов), написанную (или напечатанную) на перфокарте, — путем прорезания отверстий в перфорированном обрамлении перфокарты. В итоге со временем создавалась *перфотека*, которую можно было по частям загрузить в специальную пластиковую коробку, куда вставлялись длинные железные спицы. Если спица попадала на кодовую прорезь — то при энергичной встряске коробки соответствующая перфокарта должна была выпасть — и вот тебе за секунду подборка информации (серия выпавших перфокарт) по определенной теме: знай себе — обобщай!

И вот «продвинутые» геологи (с Лосевой в первых рядах) радостно и усердно принялись заносить информацию на эти перфокарты и кодировать их — т. е. делать в них нужные краевые прорези. Но очень скоро выяснилось, что коробки-то были изготовлены так топорно, что трясина не трясина, а нужная перфокарта почему-то вываливаться не желает! Поэтому наш энтузиазм быстро угас; мы перестали уродовать свои перфокарты кодовыми прорезями, а стали использовать их как дикари, раскалывающие кокосовый орех сотовым телефоном — *просто как удобный картонный носитель текстовой или цифровой информации*. Например, в моем рабочем кабинете за 45 лет работы накопилось около двух дюжин коробок с перфокартами, а в каждой из них — больше 1000 перфокарт с анализами и рефератами.

А что же теперь?

— Развитие информатики полностью похоронило все эти наивные технические ухищрения. *Физические носители информации (перфокарты) ушли, будучи вытеснены носителями виртуальными — компьютерными файлами с Базами данных*. Если у научного работника создана грамотно организованная База данных (например, 30 тыс. химических анализов или файлы с сотнями рефератов), то можно мгновенно найти нужное, войдя в Базу по любому заданному параметру — например, по региональному, стратиграфическому, химическому, авторскому и т. д.

17. Революция фотографической работы. Из Рабочих дневников читатель узнает о поистине Сизифовом труде — фотографировании препаратов и пересъемке фотографий эталонных форм из многочисленных (дефицитных!) справочников-определителей. Снимок делался в световом микроскопе МБИ-1 на специальной фотопленке «Микрат», добыть которую можно было только в Москве или Ленинграде. Пленки проявляли (и это надо было уметь делать, чтобы не загубить многочасовых трудов), потом на фотоувеличителе с них делались отпечатки. Увы, нередко качество этих отпечатков было ужасающим — и приходилось повторять всю работу снова.

А теперь?

— Просмотр препаратов, подсчет микрофоссилий и при необходимости — их фотографирование выполняются с помощью соединенного с компьютером микроскопа со встроенным цифровым фотоаппаратом. Получение снимка великолепного качества занимает считанные секунды. Теперь форму на этом снимке можно определять, как вам нравится: либо традиционно, мгновенно изготовив отпечаток на принтере и полистав тома справочников-определителей, либо «в духе времени» — т. е. разыскав нужные справочники в Интернете и найдя в них подходящую форму.

* * *

Итак, мы прочитали эти Рабочие дневники и удостоверились, что, действительно, в них ничего иного нет — кроме нескончаемой, чаще рутинной и гораздо реже вдохновенной, но всегда — упорной и неустанной *работы, работы и работы* — над коллекциями, препаратами, таблицами, фотографиями, отчетами, информационными записками, статьями, монографиями, докладами на научных форумах.

...Такова и вся жизнь Эммы Ивановны Лосевой в науке — интересная для читателя именно своей типичностью, ибо все мы тогда жили именно так (или примерно так), да только мало кто из нас догадался завести себе *Рабочий дневник...*

Этим (своей типичностью), на мой взгляд, и важны для истории российской науки *Рабочие дневники* Э. И. Лосевой — ценный документ канувшей в Лету Советской Цивилизации,

Я. Э. Юдович,
главный научный сотрудник Института геологии Коми НЦ УрО РАН,
д. г.-м. н., заслуженный деятель науки РФ